

**СПЕЦИФИКА ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИИ*****Эка Ревазиевна ЕРМАКОВА ^{a,*}, Ольга Михайловна ЛИЗИНА ^b**

^a кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретической экономики
и экономической безопасности,
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Российская Федерация
eka-tsulaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8464-9605>
SPIN-код: 3260-8190

^b кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретической экономики
и экономической безопасности
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Российская Федерация
lizinaom@yandex.ru
ORCID: отсутствует
SPIN-код: отсутствует

* Ответственный автор

История статьи:

Рег. № 431/2020
Получена 23.07.2020
Получена
в доработанном виде
06.08.2020
Одобрена 20.08.2020
Доступна онлайн
29.09.2020

УДК 33.056
JEL: E26

Ключевые слова:

теневая экономика,
коррупция, наличные
деньги, отток капитала,
сомнительные операции

Аннотация

Предмет. Особенности теневой экономической деятельности в пореформенной России в контексте системных трансформаций.

Цели. Определение роли теневой экономики в воспроизводственном процессе, выявление и осмыслении ее специфики.

Методология. Применяются общенаучные (научная абстракция, единство исторического и логического анализа и синтеза, индукция и дедукция, методы сравнения и аналогии) и специальные методы познания (монетарные методы), системный и комплексный подходы. Используются официальные статистические данные, нормативно-правовые акты, труды ведущих исследователей обозначенной проблемы.

Результаты. Представлен ретроспективный экспресс-анализ масштабов теневой экономической деятельности в отечественной экономике с установлением взаимосвязей с происходящими в разные этапы развития страны процессами. Выявлена специфика теневых отношений в российской экономике. Обнаружены факторы, сыгравшие ключевую роль в переходе на новые формы теневой экономики. Дана оценка влиянию внешних шоков на теневизацию экономической деятельности.

Область применения. Результаты полезны при разработке механизмов противодействия легализации доходов, полученных преступным путем.

Выводы. С развитием и расширением экономических отношений разрастаются и масштабы скрываемой деятельности. Настоящему периоду свойственны цифровизация теневых отношений, смещение коррупции на высшие эшелоны власти, продолжающийся отток капитала за границу, ужесточение наказания за ведение теневой деятельности.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2020

* Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.
Грант РФФИ №19-010-00869 «Теневая экономическая деятельность современной России: концептуализация, измерение, моделирование».

Для цитирования: Ермакова Э.Р., Лизина О.М. Специфика теневой экономической деятельности в России // *Финансы и кредит*. — 2020. — Т. 26, № 9. — С. 2096 — 2115.
<https://doi.org/10.24891/fc.26.9.2096>

Определение роли теневой экономической деятельности в процессе общественного воспроизводства не теряет своей актуальности уже долгие годы, приобретает в отечественной экономике особые очертания и формирует собственную специфику на различных этапах исторического развития социально-экономической системы.

Теневая сфера экономической деятельности очень тесно вплелась и пустила корни в отношения общественного воспроизводства, одновременно являясь и паразитическим и симбиотическим придатком по отношению к наблюдаемой экономике страны, что наглядно отражается в функциях, выполняемых теневой экономикой (дестабилизирующей и стабилизирующей).

Дестабилизирующая для системы общественного воспроизводства функция теневой экономической деятельности нашла свое выражение в опасностях и угрозах, которую несут такие отношения. Эти угрозы отмечены в Стратегии национальной безопасности РФ: преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности; коррупция; нецелевое расходование бюджетных ассигнований; сохранение значительной доли теневой экономики, условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, незаконной миграции.

Стабилизирующая функция теневой экономики на сегодняшний день проявляется не столько в сглаживании различий между социальными группами населения, сколько в возможности продолжения непрерывного производственного процесса, но уже за пределами правового поля.

Период самозолоты, шоки спроса (как отрицательные в виде сокращения потребительских расходов из-за падающих второй год подряд реальных доходов населения, так и положительные — связанные с ажиотажным спросом на определенные виды товаров, востребованных в пандемию) и шоки предложения (в виде принудительной приостановки деятельности) породили новый всплеск нерегистрируемых сделок, нелегального сбыта товаров и оказания услуг, отмывания и «освоения» выделяемых бюджетных средств на преодоление экономических последствий пандемии. Эта ситуация обусловлена не столько возможностью получения сверхдоходов от теневой деятельности, сколько стремлением бизнес-сообщества к выживанию в условиях, к которым оно не было готово.

Говоря о современном этапе развития системы общественного воспроизводства и влияния на него теневой экономической деятельности, мы не можем умолчать об активной цифровизации производственных отношений и появлении новых видов цифровых продуктов, услуг, которые, с одной стороны, способствуют прозрачности операций и сделок (к примеру, снижают асимметрию информации, обеспечивают возможность обратной связи, облегчают контроль, в том числе удаленный), а, с

другой стороны, создают новое поле и новые возможности ухода в тень и выведения денежных потоков из-под ока надзорных институтов (криптовалюты, фишинг, мошенничества с банковскими картами, персональными данными, цифровой шпионаж, иные виды кибер-преступности).

Научное сообщество оживленно реагирует на происходящие в системе общественного воспроизводства процессы, особенно скрытые и завуалированные. Первые упоминания о деятельности, именуемой сегодня теневой, уходят в годы становления государственности и связаны в основном с казнокрадством, контрабандой и фальшивомонетничеством. Проблемы существования и объяснения причин теневой экономической деятельности вызывают точечные дискуссии со времен волны криминализации экономики США в период Великой депрессии и последующего за ним восстановления экономики, однако комплексные, системные исследования этого феномена стали появляться только во второй половине прошлого столетия. Одной из фундаментальных работ о теневой экономической деятельности является «Подпольная экономика» американского ученого П. Гутмана [1], вышедшая в 1977 г. Большую роль в развитие теории, детерминации, объяснении причин и следствий теневых отношений сыграли Э. Де Сото [2], К. Харт [3], Д. Мид [4], К. Моррисон [5] и многие другие.

В советских изданиях, игнорировавших официально наличие феномена теневой деятельности, первые публикации по этой проблеме появились в конце 1980-х гг., в эпоху гласности и плюрализма.

Особенно масштабно проблема теневой экономической деятельности для отечественной экономики проявила себя в переходные 1990-е гг., когда она имела не только скрытый, но зачастую и криминальный характер. Начало нового века и недолгий период стабильности ознаменовали новую трансформацию теневых структур — из нелегальных и (полу)криминальных они оформились в бизнес-структуры, лоббирующие свои интересы и имеющие доступ к административному ресурсу.

В своих научных трудах практически ни один выдающийся ученый-экономист постсоветской России не обошел вниманием эту сторону экономических отношений. В той или иной мере вопросов теневизации экономической деятельности касаются Л. Абалкин [5, 6], В.К. Сенчагов [7], В.И. Авдийский [8], В.М. Безденежных [8], В. Дадалко [9], И. Кулибаба [9], А. Аузан [10], О. Бессонова [11], С.Ю. Барсукова [12, 13] и др. В частности, Л. Абалкин и В.К. Сенчагов рассматривают теневые отношения как угрозу национальной безопасности, В.И. Авдийский и его соратники концентрируют внимание на природе теневого капитала и теневых финансовых потоках, А. Дегтярев смещает взгляд на чиновничью ренту.

Ретроспективный взгляд позволяет говорить о модификации теневых процессов в отечественной экономике и тесной пронизанности ими системы общественного воспроизводства.

Рабочая научная гипотеза исследования состоит в предположении о том, что теневая экономическая деятельность в РФ — уникальное институциональное явление, имеющее собственную страновую специфику, обусловленное социокультурными и политическими факторами, модифицирующееся и принимающее новые формы вместе с трансформационными процессами всей экономической системы.

Если преследовать цель выявления и осмысления специфики теневой экономической деятельности в России, а также определения роли теневой экономики в воспроизводственном процессе, прежде всего необходимо определить содержание этой категории.

Стоит отметить, что в литературе не сложилось не только общепринятого подхода к трактовке категории «теневая экономика», но и единого понятийно-категориального аппарата — зачастую под терминами «теневая экономика», «неформальный сектор», «ненаблюдаемая экономика», «нерегистрируемая экономика» и множеством других понимаются настолько близкие друг другу явления и процессы, что их очень сложно разграничить, хотя в то же время и использовать в качестве синонимов некорректно.

Мы в данном исследовании не ставим задачи уточнения сущностного содержания теневой экономики и родственных ей категорий, поэтому будем опираться на официальное толкование, принятое в системе национального счетоводства. В связи с этим под теневой экономикой в данной работе понимается составная часть ненаблюдаемой экономики, включающая в себя скрытую (незапрещенные виды деятельности, существование и результаты которых скрываются от органов государственной власти в целях уклонения от налогов или исполнения иных административных требований) и нелегальную (запрещенную законодательством) деятельность.

Если отталкиваться от необходимости установления границ между наблюдаемой экономикой и теневой экономикой, то становится ясно, что отделить от наблюдаемой экономики теневую возможно только в части нелегальной (по сути криминальной, влекущей за собой уголовную ответственность) деятельности. Скрытую деятельность вычленив из системы народнохозяйственных связей и обособить практически невозможно (*рис. 1*).

Специфика теневых отношений, сложившихся в российском обществе, обусловлена множеством факторов, среди которых и институциональные, и социокультурные, и политические, и экономические (*табл. 1*).

Советская эпоха, несмотря на моноклассовость и господствующую идеологию, не была лишена недуга, именуемого скрытой или подпольной экономикой. К теневой (скрытой) сфере можно отнести и сокрытие излишек во времена продразверстки и военного коммунизма, и отдельные торговые сделки в период НЭПа, и спекулятивные операции, характерные для более позднего периода застоя.

Исследование источников, в которых освещаются особенности советских теневых отношений, позволяет выявить специфические черты последних.

Идеологическая составляющая советского государства долгое время не позволяла признать наличие теневой экономики как общегосударственного явления. Отдельные случаи обнаружения и огласки фактов хищения на работе, проведения операций с валютой, сокрытия урожая преподносились общественности как грубые преступления идеологических отступников. В действительности же существование теневого сектора обусловлено в этот довольно долгий период сопротивлением процессу коллективизации, существовавшим товарным дефицитом, а позже необходимостью и необратимостью перехода к рынку. Наличие черных рынков, на которых можно купить или выменять нужный товар, обменять советские рубли на валюту, является формой устранения недостатков и дисбалансов жесткой директивной системы хозяйствования.

Как уже было сказано, открыто о существовании теневой экономики заговорили в стране в конце 1980-х гг. На этот период и приходятся первые оценки масштаба нелегальных и скрытых операций. Согласно данным, представленным Научно-исследовательским экономическим институтом Госплана СССР, годовой теневой оборот в 1987—1988 гг. достигал 50—150 млрд советских рублей, увеличившись, по сравнению с 1960-ми гг. в 10—27 раз. Скрытые доходы сферы услуг того же периода оценивались в 14—16 млрд руб., теневой рынок услуг здравоохранения составлял 1/7 часть бюджета Минздрава СССР. Ежегодно с 1978 по 1987 г. выявлялись до 10 тыс. хищений в крупных и особо крупных размерах с госпредприятий.

Сам разброс оценок величины теневой экономики в Советском государстве (то есть 1/20—1/5 часть ВВП) говорит о сложности подсчета финансового ущерба от этой сферы. Есть также исследования, в которых доля теневой экономики оценивается в 3—4% ВВП СССР в 1973 г.

При этом отраслевая структура советской теневой экономики идентична современной, отрасли-лидеры здесь — сельское хозяйство, торговля, строительство. Занятость населения в теневой экономике составляла 12% трудоспособного населения в 1989 г., в абсолютных значениях увеличившись вдвое по сравнению с 1962 г. (для сопоставления: в 2017 г. этот показатель составил 21%) [14, 15].

Кроме преступлений против собственности государства функционировала еще и «частная экономика», в основном представленная услугами населения по удовлетворению мелких бытовых потребностей.

Демократизация хозяйственной сферы напрашивалась со времен сворачивания новой экономической политики в Советском Союзе. 1960-е гг. ознаменовались всплеском экономической преступности, одной из причин которых была так и не свершившаяся демократизация зажатой в тиски Госплана экономики страны. Количество преступлений в сфере экономики продолжало расти вплоть до краха

социалистического строя. Так, к концу 1980-х гг. сформировался тяжеловесный черный рынок с собственной инфраструктурой и системой власти.

Российскую теневую экономику в литературе именуют экономикой раздатка, уходящей своими корнями в советское прошлое, когда товарный дефицит ощущался тем сильнее, чем «удаленнее» был индивид от властно-бюрократической структуры. По мнению О. Бессоновой, экономика современной России также является раздаточной. Под этим, по сути, подразумевается, что политическая элита, государственные служащие и их окружение имеют в силу своего положения доступ к ограниченным ресурсам, чего лишен человек, далекий от властных полномочий. Но последний тоже может получить необходимое (хотя не всегда в полном объеме) путем «раздачи» сверху дифференцированного права использования дефицитного ресурса. При этом снизу вверх перераспределяется чиновничья или бюрократическая рента.

Такое взаимодействие укоренилось в советский период и оформилось в неформальный институт блата, близкий к деловому обычаю. Трансформировавшись вместе с экономической системой, экономика раздатка превратилась в политико-экономическое партнерство, работающее на «откатах», заведомо проданных госконтрактах и лоббировании интересов приближенных к власти бизнес-структур. Объем рынка госзакупок в 2018 г. составил 25,5 трлн руб. (сопоставим с общим объемом финансирования нацпроектов за весь четырехлетний срок их реализации), при этом в электроэнергетике наверх отходит 15% от суммы контракта, в медицине — 25%, в строительстве эта величина может достигать половины, самая обремененная откатами на сегодняшний день отрасль — динамично развивающийся ИТ-сектор¹. Количество заявок, поданных на 1 лот, составляет 1,2, что говорит о недоверии бизнеса даже к новой системе госзакупок и отсутствии конкуренции в этой сфере².

Слом принципов хозяйствования, выстраиваемых административно-командной системой на протяжении 70 лет, ознаменовавшийся полным отторжением старых связей, нехваткой платежных средств, падением доходов населения, привел к укоренению принципа «разрешено все, что не запрещено». Следствием этого стали бартеризация экономики, массовые хищения товарно-материальных ценностей, формирование олигократии — новой элиты.

Стремление населения и бизнеса к выживанию, а также жажда наживы — психологические, почти инстинктивные факторы, присущие человеческой природе, вкупе с правовым вакуумом и хаосом переходного периода привели к формированию полукриминальной модели экономической системы, которой присущи неправомерные силовые захваты объектов собственности, криминализация всех сфер экономики (ввиду слабости формальных правоохранительных институтов и давления криминального сообщества на бизнес),

¹ Кому живется тяжелее: строителям, врачам, энергетикам или айтишникам.
URL: <https://ura.news/news/1052190625>

² Доклад Высшей школой экономики «Система закупок в Российской Федерации».

масштабная коррупция, формирование у населения негативного отношения к власти, граничащего с правовым нигилизмом.

Августовский кризис 1998 г. усугубил проблему теневых отношений.

Результатом сложного процесса перехода к рыночным принципам хозяйствования стало увеличение масштабов теневой экономики с 10—12% ВВП в 1990 г. до 60—65% ВВП в 1999 г. При этом доминирующую роль в их формировании играли организованные преступные группировки. К концу первого переходного десятилетия государство почти полностью утратило контроль над функционирующим по криминальным законам бизнесом [16].

Проведенные приватизация и залоговые аукционы перекроили структуру общества, произошла поляризация с сильным разделением на богатейших и беднейших, практически без среднего класса. Такое положение привело к еще большему развитию теневой экономики — нижние слои общества стремились найти источник дохода в неформальном секторе, а верхние получали сверхдоходы от ренты. За 1990—1996 гг. было приватизировано более 130 тыс. госпредприятий, но сделано это было таким образом, что на практике это был модифицированный раздаток — доходы бюджета от приватизации составляли около 0,2% от общей суммы доходов, крупнейшие предприятия нефте-, газо-, золотодобычи были переданы в собственность 10—15 предпринимателей через залоговые аукционы.

Особую роль в увеличении масштабов теневой экономики начала 1990-х гг. сыграли финансовые пирамиды, поглотившие доходы и права собственности наиболее бедных слоев населения. В 1993—1995 гг. на постсоветском пространстве функционировало более 1 тыс. финансовых пирамид, обманутыми вкладчиками которых стали порядка 20 млн чел. (только по делу С. Мавроди, основателя «МММ», в суде признаны пострадавшими 10 454 чел., доказана преднамеренность финансовой аферы), потери граждан составили более 4 млрд долл. США³. Деятельность финансовых пирамид во второй половине 1990-х гг. продолжилась — финансовые посредники, аккумулировавшие средства граждан, бесследно исчезали, однако самой масштабной финансовой пирамидой в российской истории стал рынок ГКО [17]. На сегодняшний день (2019 г.) Банк России отнес более 200 организаций к пирамидальным.

Экономику переходного периода смело можно назвать криминальной — правоохранительные органы не способны были обеспечить защиту бизнеса, чем занимались преступные группировки за определенную плату со стороны предпринимателей. До 90% российских предприятий были вынуждены мириться с таким положением вещей, финансово питая тем самым наркобизнес, торговлю людьми, оружием и прочие запрещенные законом виды деятельности.

³ Финансовые пирамиды 1990-х.

URL: <https://traders-union.ru/profianalytics/finansovye-piramidy-90-x-godov-spisok/>

Стабилизация общественно-экономических отношений, пришедшая со сменой власти в стране, не искоренила проблему теневой экономики, а переместила теневые отношения на новый уровень. Активное преследование криминальных структур привело либо к их упразднению, либо к их легализации, на смену черному рейдерству пришло белое (когда захват собственности осуществляется в судебном порядке посредством использования пробелов в законодательстве), произошло срастание политической и экономической власти, лоббировавшей интересы своих «партнеров», активно развернули свою деятельность «обнальные» конторы и фирмы-однодневки, скрытый и легальный сектор настолько тесно переплелись друг с другом, что отделить один от другого не представляется возможным. В период 2008—2012 гг. бюджет государства терял ежегодно от 500 млрд до 1 трлн руб., налоговые органы каждый год исключали из ЕГРЮЛ порядка полумиллиона коммерческих организаций, имеющих ненулевой оборот при нулевых платежах в бюджет⁴. Получила распространение схема (отражение фиктивных расходов и получение налогового вычета по НДС), успешно применявшаяся вплоть до 2017 г., с помощью которой извлекалась необоснованная налоговая выгода. На 2019 г. обналичивание теневых денежных средств обслуживалось на 66% через банковские карты физических лиц.

Специфичной чертой российской экономики является постоянное превышение вывоза капитала за границу над его ввозом (то есть отток капитала): начиная с первых лет рыночных преобразований масштаб оттока капитала возрос многократно (исключение составляют 2006—2007 гг.) (*рис. 2*).

Непосредственно для начала 2000-х гг. характерен активный вывод капитала за рубеж в оффшорные зоны (список оффшорных юрисдикций обширен, в основном представлен островными и микросоударствами — Сейшельские острова, Содружество Доминиканы, Монако, Бахрейн и пр.), позволяющие избежать высокой налоговой нагрузки. Внутренние офшоры (так называемые свободные экономические зоны) также давали возможность платить налоги по сниженным ставкам. Имитация внешнеторговой деятельности использовалась (и используется до сих пор) как один из способов легализации теневых доходов (*рис. 3*).

Ни финансовый кризис Кипра 2012—2013 гг. (который опосредовал до 45% движения капитала из России и в нее), ни проводимая в три этапа амнистия капитала (01.07.2015—30.06.2016, 01.03.2018—28.02.2019, 01.06.2019—29.02.2020), ни санкционные меры западного мира (включая санкции, направленные на отдельных лиц и их финансовые счета) не способствуют тому, чтобы капитал, созданный в России, остался внутри страны.

В данный период происходит формирование институциональных основ, направленных на борьбу с нелегальными процессами, принимаются нормативно-правовые акты, в том числе федеральные законы от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным

⁴ Правовые основы финансовой безопасности Российской Федерации: учеб. пособ. М.: Проспект, 2017. 336 с.

путем, и финансированию терроризма», от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Указ Президента РФ от 21.07.2010 № 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции», Положение Банка России от 02.03.2012 № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и др.

Проводимая на протяжении 2000—2008 г. административная реформа не дала результатов в виде сокращения численности госслужащих и чиновничьего аппарата, но выстраиваемая вертикаль власти, ужесточение наказаний за коррупцию, взяточничество, нецелевое использование сократили мелкое взяточничество и сместили коррупционные операции на высший эшелон власти [18].

В соответствии с данными официальной статистики в 2019 г. экономические преступления составляли 5,8% от всех зарегистрированных преступлений в стране, третья часть из них приходится на коррупционные преступления. На мелкое взяточничество в январе—сентябре 2019 г. приходится всего 17% коррупционных преступлений, остальные — в крупном, особо крупном размере, посредничество⁵.

В целом теневая экономика современной России оценивается статистическими органами в 20% ВВП (рис. 4).

В 2020 г. объемы теневой экономики, по данным Росфинмониторинга РФ, составят 20,5 трлн руб., что сопоставимо с расходами госбюджета за этот год (без учета средств, направленных на стабилизацию последствий пандемии COVID-19). Секторы экономики, формировавшие спрос на финансовые услуги, связанные с теневыми операциями распределились в первом полугодии 2019 г. так, как показано на рис. 5.

Отраслевыми лидерами теневой экономики являются строительство, операции с недвижимостью, торговля и сельское хозяйство. В окружном разрезе лидирует Приволжский федеральный округ, второе место занимает Центральный федеральный округ.

Для современного этапа социально-экономического развития страны характерно также раскрытие громких коррупционных преступлений, совершаемых первыми лицами ведомств, регионов, корпораций или их заместителями.

Удельные веса отдельных преступлений от общего числа зарегистрированных в 2019 г., распределяются следующим образом. Преступления, связанные:

- с экономической деятельностью — 5,8%;
- с незаконным оборотом наркотиков — 9,5%;

⁵ Статистический сборник Главного управления правовой статистики и информационных технологий при Генпрокуратуре РФ «Состояние преступности России за январь—сентябрь 2019 г.».

- с незаконным оборотом оружия — 1,4%;
- со взяточничеством — 0,7%;
- с превышением должностных полномочий — 0,1%;
- с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) — 13,5%.

Последнее свидетельствует об отставании темпов внедрения механизмов борьбы с экономическими преступлениями по сравнению с развитием информационных технологий. Развитие ИКТ — фактор, играющий двоякую роль в вопросах теневой экономики. С одной стороны, он способствует прозрачности экономических отношений (к примеру, активное внедрение новых технологий позволило ФНС России построить одну из самых эффективных в Европе систем налогового администрирования), с другой стороны, порождает новые «продукты», позволяющие скрыть бенефициара или выгоду (например, отдельные криптовалюты) [19].

В текущий момент шоки пандемии повлияли на всю экономическую систему страны, включая ее теневую составляющую. Об этом свидетельствуют не только появляющиеся в СМИ публикации о мошенничествах и нецелевом использовании средств, но и увеличение доли наличных денег в денежной массе, а также их опережающий темп роста по сравнению с безналичными (табл. 2), что традиционно является свидетельством расширения теневой сферы.

Как показывают данные табл. 2, стабильная на протяжении всего прошлого года доля наличных денег в обращении начала увеличиваться начиная с апреля 2020 г. довольно высокими для ежемесячных значений темпами, причем официально работающие компании в период пандемии отдавали предпочтение бесконтактным способам оплаты. Наличными деньгами и переводами по банковским картам обслуживались операции с официально закрытыми организациями.

Обобщая сказанное, мы можем отметить, что теневая сфера экономической деятельности модифицируется, расширяется/сужается, перемещается на новые уровни под воздействием внешних процессов: законодательных, политических, социокультурных, конъюнктурных, институциональных. Поэтому и мероприятия, направленные на борьбу с теневыми процессами, не могут быть универсальны, а должны быть адаптированы к текущей экономической действительности [20]. Безусловно, разработка и принятие антикоррупционного, антиотмывочного законодательства, внедрение онлайн-касс, обеспечение прозрачности бюджетного процесса стали существенным достижением в вопросе противодействия теневым схемам, однако не поставили в нем точку, потому что стремление к максимизации и оптимизации прибыли, а порой и выживанию в жесткой рыночной среде порождает новые формы и способы ведения теневой экономической деятельности.

Таблица 1**Специфика теневых экономических отношений в России на различных этапах новейшего времени****Table 1****The specifics of shadow economy in Russia at various points of contemporary history**

Период	Определяющий фактор	Функции теневой экономики	Основные черты теневых отношений
Советский	Идеологический	Восполнение дефицита. Необходимость выживания. Функционирование рыночных начал в административно-командной системе	«Экономика раздатка»; «частная экономика»; карательная рука государства
Рыночных преобразований	Психологический	Передел собственности. Естественный отбор участников рынка	Криминальный характер; олигократия; финансовые пирамиды; взаимосвязь «криминальные сообщества — представители власти»; черные рынки; рейдерство; бартеризация экономики; отсутствие действенных инструментов борьбы с теневыми структурами; отсутствие сложившегося делового оборота и практики законодательного регулирования
Стабильность 2000-х гг.	Политический	Поддержание стабильности и сложившейся структуры общества	Партнерство бизнеса и чиновников; «обнальные» конторы; спекулятивный характер; легализация криминальных структур; рейдерство; сращивание теневой экономики и теневой политики; отток капитала; формирование институциональных основ регулирования теневой экономики
Затяжная рецессия (2014 г. — н. в.)	Технологический	Снижение себестоимости продукции. Финансирование экстремизма, терроризма	Громкие дела чиновников; белое рейдерство; фиктивные банкротства; киберпреступность; шоки экономики

Источник: авторская разработка*Source:* Authoring

Таблица 2**Наличные деньги (M0) и денежная масса (M2)****Table 2****Cash (M0) and Money Supply (M2)**

Дата	M2, млрд руб.	Наличные деньги (M0), млрд руб.	Доля наличных денег в денежной массе, %	Темп роста M0, %	Темп роста денежной массы, %
01.01.2019	47 109,3	9 339	19,8	—	—
01.02.2019	45 721,2	8 989,9	19,7	-3,74	-2,95
01.03.2019	46 212,6	9 029,7	19,5	0,44	1,07
01.04.2019	46 141,2	8 980,6	19,5	-0,54	-0,15
01.05.2019	46 435,9	9 113,8	19,6	1,48	0,64
01.06.2019	46 735,3	9 110,7	19,5	-0,03	0,64
01.07.2019	47 349,4	9 192,8	19,4	0,9	1,31
01.08.2019	47 351	9 254,2	19,5	0,67	0
01.09.2019	47 584,1	9 367,6	19,7	1,23	0,49
01.10.2019	48 266,8	9 411,9	19,5	0,47	1,43
01.11.2019	48 082,4	9 354,6	19,5	-0,61	-0,38
01.12.2019	49 195,3	9 394	19,1	0,42	2,31
01.01.2020	51 660,3	9 658,4	18,7	2,81	5,01
01.02.2020	50 622,9	9 489	18,7	-1,75	-2,01
01.03.2020	51 314,2	9 670,8	18,8	1,92	1,37
01.04.2020	52 327	10 241	19,6	5,9	1,97
01.05.2020	52 951,7	10 912	20,6	6,55	1,19
01.06.2020	53 068	11 209,3	21,1	2,72	0,22

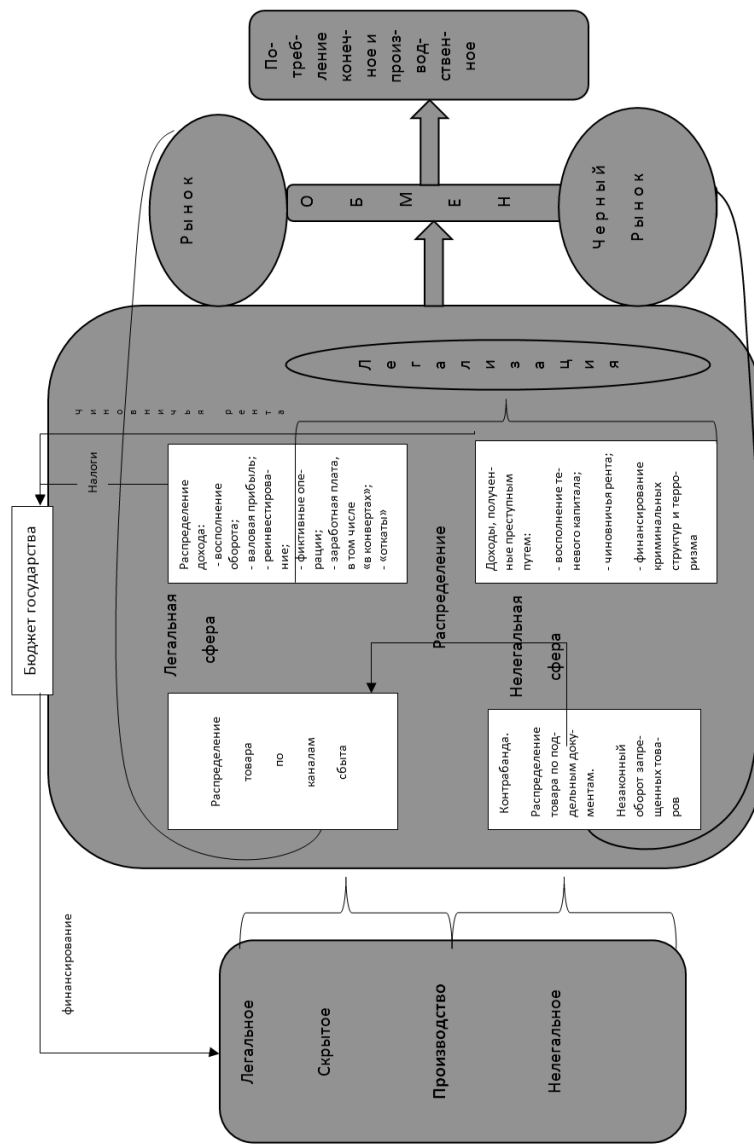
Источник: авторская разработка*Source:* Authoring

Рисунок 1

Концептуальная взаимосвязь между легальной и нелегальной сферами экономики на различных стадиях воспроизводственного процесса

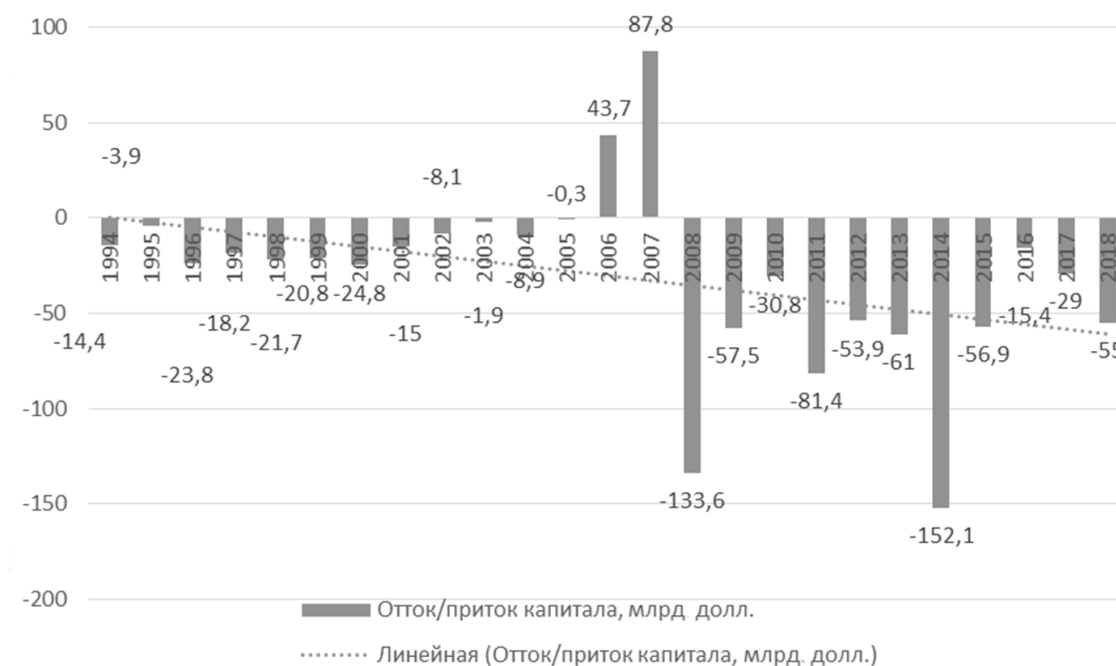
Figure 1

Conceptual relationship between the legal and illegal spheres of the economy at various stages of the reproduction process

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 2**Отток капитала из российской экономики****Figure 2****Capital outflow from the Russian economy**

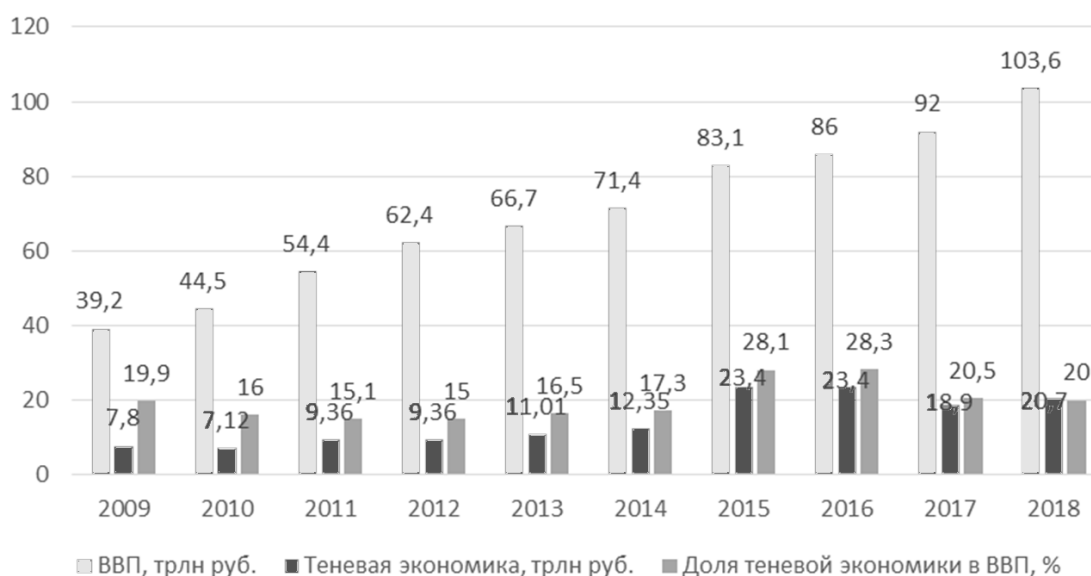
Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 3**Объемы сомнительных сделок по выводу денежных средств за рубеж в первой половине 2019 г.****Figure 3****Volume of questionable transactions related to money withdrawal from the country in the first half of 2019**

Источник: авторская разработка по данным Банка России

Source: Authoring, based on the Bank of Russia data

Рисунок 4**Оценка масштабов теневой российской экономики по отношению к ВВП****Figure 4****Estimation of the size of shadow economy in Russia in relation to GDP***Источник:* авторская разработка*Source:* Authoring**Рисунок 5****Секторы экономики, формировавшие спрос на финансовые услуги по обслуживанию теневых операций в первой половине 2019 г., % от общего числа****Figure 5****Economic sectors that generated demand for shadow financial services in the first half of 2019, percent of the total***Источник:* авторская разработка по данным Банка России*Source:* Authoring, based on the Bank of Russia data

Список литературы

1. Gutmann P. The Subterranean Economy. *Financial Analysts Journal*, 1977, vol. 33, no. 6, pp. 26–27. URL: <https://doi.org/10.2469/faj.v33.n6.26>
2. Де Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy, 1995. 320 с.
3. Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. *The Journal of Modern African Studies*, 1973, vol. 11, no. 1, pp. 61–89. URL: <https://doi.org/10.1017/S0022278X00008089>
4. Mead D.C., Morrison C. The Informal Sector Elephant. *World Development*, 1996, vol. 24, iss. 10, pp. 1611–1619. URL: [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(96\)00065-4](https://doi.org/10.1016/0305-750X(96)00065-4)
5. Абалкин. Л.И. Логика экономического роста. М.: Институт экономики РАН, 2002. 228 с.
6. Абалкин Л. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4—16.
7. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие (книга четвертая). М.: Финстатинформ, 2002. 123 с.
8. Авдийский В.И., Безденежных В.М. Структура финансовых потоков в теневой экономике и основные способы их оценки // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 5. С. 6—15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-finansovyh-potokov-v-tenevoy-ekonomike-i-osnovnye-sposoby-ih-otsenki>
9. Бокун Н.Ч., Кулибаба И. Проблемы статистической оценки теневой экономики // Вопросы статистики. 1997. № 7. С. 11—19.
10. Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 160 с.
11. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006. 144 с.
12. Барсукова С.Ю. Теневая экономика: специфика фаз в условиях раздатка // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 133—145. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-12-133-145>
13. Барсукова С.Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 216 с.
14. Волконский В.А., Корягина Т.И. Официальная и теневая экономика в реальности и статистике // Экономика и математические методы. 2000. Т. 36. № 4. С. 14—24.

URL: http://www.koriagina.com/index.php?option=com_content&task=view&id=50&Itemid=31

15. Чиняков О.Е. Теневая экономика как составляющая хозяйственного механизма в советском обществе // Мир науки и образования. 2016. № 1. С. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tenevaya-ekonomika-kak-sostavlyayuschaya-hozyaystvennogo-mehanizma-v-sovetskom-obschestve/viewer>
16. Поветкина Н.А. Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения: монография. М.: Контракт, 2016. 344 с.
17. Феоктистов Н.М., Комаров А.В. Финансовые пирамиды старой и новой России // Economics. 2016. № 9. С. 77 — 84.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovye-piramidy-staroy-i-novoy-rossii>
18. Diaby A., Sylwester K. Bureaucratic Competition and Public Corruption: Evidence from Transition Countries. *European Journal of Political Economy*, 2014, vol. 35, pp. 75–87. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2014.04.002>
19. Симаковский А.Ю. К вопросу об экономической природе криптовалюты // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 132 — 142.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-9-132-142>
20. Huang H., Wei S.-J. Monetary Policies for Developing Countries: The Role of Institutional Quality. *Journal of international Economics*, 2006, vol. 70, iss. 1, pp. 239–252. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2005.09.001>

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

THE SPECIFICS OF SHADOW ECONOMY IN RUSSIA**Eka R. ERMAKOVA^{a,*}, Ol'ga M. LIZINA^b**^a National Research Ogarev Mordovia State University (MRSU),
Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation,
eka-tsulaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8464-9605>^b National Research Ogarev Mordovia State University (MRSU),
Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation,
lizinaom@yandex.ru
ORCID: not available

* Corresponding author

Article history:Article No. 431/2020
Received 23 July 2020
Received in revised form
6 August 2020
Accepted 20 August 2020
Available online
29 September 2020**JEL classification:** E26**Keywords:** shadow
economy, corruption,
cash, capital outflow,
suspicious financial
transactions**Abstract****Subject.** The article investigates the shadow economy phenomenon in Russia.**Objectives.** The purpose is to determine the role of shadow economy in the reproduction process, identify its specifics in Russia.**Methods.** The study rests on general scientific methods (scientific abstraction, the unity of historical and logical, analysis and synthesis, induction and deduction, methods of comparison and analogy), special cognition methods (monetary techniques), and systems and integrated approaches. Official statistics data, statutory instruments, works of leading researchers on shadow economy expansion serve as the information base of the paper.**Results.** We present a retrospective analysis of shadow economic activities in Russia, identify the specifics of shadow relations in the Russian economy, appealing to political, institutional, and socio-cultural changes in the Russian society. We also highlight factors that played a key role in a particular period. The paper provides a detailed description of the modern period of development and assesses the influence of external shocks on the shadow economy.**Conclusions.** The current period is characterized by the digitalization of shadow relations, shift of corruption to the highest levels of power, persistence of capital outflow, increased penalties for shadow activities. The findings may be useful for introducing the mechanisms to combat money laundering.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2020

Please cite this article as: Ermakova E.R., Lizina O.M. The Specifics of Shadow Economy in Russia.
Finance and Credit, 2020, vol. 26, iss. 9, pp. 2096–2115.
<https://doi.org/10.24891/fc.26.9.2096>**Acknowledgments**The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant № 19-010-00869, *Shadow Economic Activity of Contemporary Russia: Conceptualization, Measurement, Modeling*.

References

1. Gutmann P. The Subterranean Economy. *Financial Analysts Journal*, 1977, vol. 33, no. 6, pp. 26–27. URL: <https://doi.org/10.2469/faj.v33.n6.26>
2. De Soto H. *Inoi put'. Nevidimaya revolyutsiya v tret'em mire* [The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World]. Moscow, Catallaxy Publ., 1995, 320 p.
3. Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. *The Journal of Modern African Studies*, 1973, vol. 11, no. 1, pp. 61–89. URL: <https://doi.org/10.1017/S0022278X00008089>
4. Mead D.C., Morrison C. The Informal Sector Elephant. *World Development*, 1996, vol. 24, iss. 10, pp. 1611–1619. URL: [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(96\)00065-4](https://doi.org/10.1016/0305-750X(96)00065-4)
5. Abalkin L.I. *Logika ekonomicheskogo rosta* [The logic of economic growth]. Moscow, Institute of Economics of RAS Publ., 2002, 228 p.
6. Abalkin L. [Russia's economic security: Threats and their reflection]. *Voprosy Ekonomiki*, 1994, no. 12, pp. 4–16. (In Russ.)
7. Senchagov V.K. *Ekonomicheskaya bezopasnost': geopolitika, globalizatsiya, samosokhranenie i razvitie (kniga chetvertaya)* [Economic security: Geopolitics, globalization, self-protection and development (Book 4)]. Moscow, Finstatinform Publ., 2002, 123 p.
8. Avdiiskii V.I., Bezdenzhnykh V.M. [The structure of financial flows in the shadow economy and methods of their assessment]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics. Taxes. Law*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 6–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-finansovyh-potokov-v-tenevoy-ekonomike-i-osnovnye-sposoby-ih-otsenki> (In Russ.)
9. Bokun N.Ch., Kulibaba I. [Statistical appraisal of the irregular economy]. *Voprosy Statistiki*, 1997, no. 7, pp. 11–19. (In Russ.)
10. Auzan A. *Ekonomika vsego. Kak instituty opredelyayut nashu zhizn'* [The economy of everything. How institutions define our life]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2014, 160 p.
11. Bessonova O.E. *Razdatochnaya ekonomika Rossii: evolyutsiya cherez transformatsii* [The economics of distribution in Russia: Evolution through transformation]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 144 p.
12. Barsukova S.Yu. [The Shadow Economy in the Framework of 'Razdatok']. *Voprosy Ekonomiki*, 2012, no. 12, pp. 133–145. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-12-133-145>

13. Barsukova S.Yu. *Esse o neformal'noi ekonomike, ili 16 ottenkov serogo* [Essay on the informal economy, or sixteen shades of grey]. Moscow, NRU HSE Publ., 2015, 216 p.
14. Volkonskii V.A., Koryagina T.I. [Official and shadow economy in reality and statistics]. *Ekonomika i matematicheskie metody*, 2000, vol. 36, no. 4, pp. 14–24.
URL: http://www.koriagina.com/index.php?option=com_content&task=view&id=50&Itemid=31 (In Russ.)
15. Chinyakov O. E. [Shadow economy as a component economic mechanism in Soviet society]. *Mir nauki i obrazovaniya*, 2016, no. 1, p. 10. (In Russ.)
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tenevaya-ekonomika-kak-sostavlyayuschaya-hozyaystvennogo-mehanizma-v-sovetskom-obschestve/viewer>
16. Povetkina N.A. *Finansovaya ustoichivost' Rossiiskoi Federatsii. Pravovaya doktrina i praktika obespecheniya: monografiya* [Financial stability of the Russian Federation: A legal doctrine and practice to support it: a monograph]. Moscow, Kontrakt Publ., 2016, 344 p.
17. Feoktistov N.M., Komarov A.V. [Financial pyramids of Old and New Russia]. *Economics*, 2016, no. 9, pp. 77–84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovye-piramidy-staroy-i-novoy-rossii> (In Russ.)
18. Diaby A., Sylwester K. Bureaucratic competition and public corruption: Evidence from transition countries. *European Journal of Political Economy*, 2014, vol. 35, pp. 75–87. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2014.04.002>
19. Simanovskii A.Yu. [On the issue of crypto-currency economic nature]. *Voprosy Ekonomiki*, 2018, no. 9, pp. 132–142. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-9-132-142>
20. Huang H., Wei S.-J. Monetary Policies for Developing Countries: The Role of Institutional Quality. *Journal of International Economics*, 2006, vol. 70, iss. 1, pp. 239–252. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2005.09.001>

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.